

У ПОДНОЖИЯ ЭВЕРЕСТА

Е. ЧЕЛЫШЕВ

Доктор филологических наук

И ВОТ мы в столице Непала — городе Катманду — с его индуистскими храмами и буддийскими пагодами, королевским дворцом и правительственными зданиями, колледжами и отелями, большими площадями, зелеными парками и кривыми, узкими улицами со средневековыми постройками, с автомашинами, мотороллерами, велорикшами, деревянными арбами. В Катманду с его шумной, многоликой толпой кричащих торговцев, бегущих носильщиков с корзинами на коромысле, спешащих по своим делам, женщин в разноцветных сари, чинно идущих чиновников, щелкающих фотоаппаратами иностранных туристов, бесцельно бродящих лохматых, неряшливо одетых «хиппи» и, конечно, как и везде, шумливых, озорных мальчишек.

На одной из центральных улиц города наше внимание привлекло ослепительно-белое здание, утопающее в зелени густых деревьев. Бронзовая скульптура человека с гордо поднятой головой, большим лбом, мужественным, одухотворенным лицом, возвышавшаяся

перед входом в это здание, показалась мне удивительно знакомой. Да ведь это же Лакшми Прасад Девкота — выдающийся непальский поэт, глашатай наступления новой эры в непальской литературе.

Я с ним встречался в 1958 году на Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки. Мне посчастливилось тогда быть одним из первых советских людей, кто встретился и разговаривал с этим замечательным человеком на советской земле. Это было за несколько месяцев до его кончины. Девкота был тяжело болен. Казалось, вся жизнь поэта сосредоточилась в его огромных прекрасных глазах. Он рассказывал о родине, многострадальной судьбе непальского народа, о своей жизни, отданной служению литературе. Когда он читал свои стихи, он весь словно преображался, в них слышались то нежные, лирические ноты, то звучал могучий голос борьбы и надежды народа, ценою огромных жертв освободившегося от ненавистной тирании. «Литература не может быть больше игрушкой в руках высших классов», — говорил он с трибуны Ташкентской конференции. — «Ныне она является мощным оружием в руках общества и народа».

Подтверждение этих слов Л. П. Девкоты можно встретить повсюду в литературной жизни современного Непала. Во время прогулок по городу на одной из улиц я увидел небольшую толпу. Я подошел поближе и разглядел пожилого человека в простой крестьянской одежде. Он держал перед собой несколько листов бумаги и нараспев читал стихи. Случайные прохожие останавливались и, забыв о своих делах, присоединялись к толпе слушателей. Затаив дыхание, люди слушали хриловатый, глухой голос чтеца. Подошли, о чем-то весело болтая, несколько девушек, одетых в одинаковые зеленые сари, — очевидно, студентки колледжа. На них зашикали, и, моментально смолкнув, девушки присоединились к толпе слушателей.

Поэт кончил, свернул свои листки, положил их за пазуху и, посмотрев на окружающих, медленно пошел своей дорогой, а люди еще стояли, разговаривая между собой, обсуждая услышанное. Не было ни аплодисментов, ни возгласов одобрения. «О чем эти стихи?» — спросил я юношу с книгами в руке. «О горькой судьбе молодой девушки, насильно выданной замуж за старика», — ответил он. Потом посмотрел

рел на меня задумчиво и добавил: «Так еще часто бывает в жизни. Но одними слезами делу не поможешь, нужно бороться за свое счастье». И постепенно литература открывает глаза людям на окружающее, заставляет их глубже задуматься над жизнью, критически оценить то, что происходит вокруг.

В Катманду нас пригласили посетить Королевскую академию искусств — важнейшее научно-исследовательское учреждение, занимающееся развитием и изучением национальной литературы и пропагандой зарубежной литературы и искусства в своей стране. Нас приняли крупнейшие писатели и ученые Непала. Первым, кого я встретил в академии, был мой старый знакомый — известный непальский писатель Мадхав Прасад Гхимире. Вместе с Л. П. Девкотой он был в нашей стране на Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки. Он познакомил нас с известным непальским прозаиком Бхикчу. «Сейчас я заканчиваю большой роман, который я назвал «Тот, кто уже пришел», — рассказывал Бхикчу. — Это роман о рождении в Непале нового человека, о судьбе тех, кто всегда смело смотрел вперед, жертвуя всем ради свободы и счастья своего народа».

«В годы тирании Рана многие из нас томились в тюрьме, мы, по сути дела, были лишены возможности писать, открыто выражать свои мысли, изучать свое культурное наследие. Теперь наша задача — раскрыть перед народом сокровищницу его культуры, создать произведения, отражающие правду жизни», — говорил президент академии поэт Кедарман Вьяхит. Я попросил его рассказать о современной непальской литературе, о том, что волнует непальских писателей сегодня. «Наши писатели все решительнее ставят в своих произведениях актуальные проблемы современности», — сказал он, — своим творчеством они служат человеку, помогают ему бороться за счастье, за лучшее будущее». «Вы знаете, — поддержал Гхимире, — недавно на большом собрании наш старейший поэт Балкришна Сама прочел свое новое стихотворение, которое посвящено Ленину. Я думаю, — добавил он, — что это первое в непальской ли-

Непал. Мадонна из Бхактапура.

Фото ТАСС

тературе произведение, написанное на такую тему».

Образ Ленина в этом стихотворении воспринимается как путеводная звезда, направляющая миллионы людей на дорогу к новой жизни. С именем Ленина связываются самые заветные надежды и мечты о счастливом будущем.

Правда Ленина,

Ты — для всех!

Бесстрашно всегда и всюду,

Руку помощи протянув,

Идешь ты навстречу людям.

Балкришна Сама пригласил нас к себе в гости. Его дом напоминает музей изящных искусств, все экспонаты которого, начиная с фотографий, картин, скульптур до резных дверей и лепного потолка, созданы самим хозяином. Б. Сама — удивительно разносторонний, талантливый человек. Он поэт, художник, скульптор, фотограф, драматург, артист. В каком бы виде искусства он ни выступал, главное внимание он уделяет прославлению простого человека. В октябре 1968 года мы встречались с Б. Самой на Международном литературном симпозиуме в Ташкенте. Я помню, с каким одобрением на большой ташкентской мушайре было встречено его стихотворение о чувствах и переживаниях человека, с большим мастерством исполненное поэтом-артистом.

Балкришна Сама — активный участник движения за мир, за дружбу между народами, за развитие культурных связей между Непалом и Советским Союзом.

Большую помощь нам оказывало Непальско-советское культурное общество, за последние годы ставшее одной из самых представительных и популярных общественных организаций страны. В его деятельности принимают участие видные ученые, писатели, политические и общественные деятели Непала. Его президент — известный юрист и общественный деятель Непала Бхандари — пригласил нас на собрание общества, специально организованное для встречи с советской делегацией. Во вступительном слове Бхандари рассказал о работе общества по подготовке к столетнему юбилею В. И. Ленина, который будет широко отмечаться в стране.

В тесном контакте с Непальско-советским культурным обществом работает в Катманду Общество

друзей СССР. Оно насчитывает около ста членов — молодых специалистов, получивших образование в СССР и в настоящее время работающих в народном хозяйстве Непала. Молодые люди не только приобрели в Советском Союзе необходимые им специальности, но навсегда сохранили в сердцах дружеские чувства к советскому народу. Свое пребывание в СССР они использовали для изучения русского языка, культуры советского народа и сейчас, вернувшись на родину, делятся всеми приобретенными знаниями со своими соотечественниками, помогают им лучше понять то, что происходит там, за снежными вершинами Гималаев, в стране, которая до недавнего времени была скрыта от них за семью замками.

На собрание пришли врачи, инженеры, учителя, агрономы, журналисты — члены этого общества во главе с его председателем Ниламбаром Шармой. Можно только удивляться, откуда берется столько сил и энергии для выполнения огромной общественной работы у этого худощавого, на вид такого слабого молодого человека. Я забыл упомянуть о том, что на Джанакпурской конференции он был избран секретарем Всепальского комитета защиты мира. На собрании Ниламбар Шарма на русском языке рассказал о том, что члены Общества друзей СССР за последнее время перевели с русского языка на непальский и издали произведения В. И. Ленина «Государство и революция» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Эти произведения Ильича особенно актуальны сегодня в Непале, так как они помогают непальской общественности лучше разобраться в современной международной обстановке.

Вместе с произведениями В. И. Ленина непальские друзья преподнесли нам переведенные и изданные ими «Песню о Буревестнике» Горького и «Цыганы» Пушкина. Молодые люди буквально засыпали нас просьбами и вопросами. Нас спрашивали, как поступить в аспирантуру Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, просили прислать программы этого университета, учебники и лингвфонные курсы русского языка, передать привет, письма и посылки своим многочисленным друзьям в Советском Союзе.

Накануне нашего отъезда из Катманду нашу делегацию принял

премьер-министр Непала господин Биста. Он интересовался нашими впечатлениями о стране, внимательно слушал все, что мы ему говорили. Премьер-министр сказал о том, какую большую роль играет непальско-советское экономическое и культурное сотрудничество в развитии национальной экономики и культуры Непала, о том, как меняется лицо его родины, какую ощутимую пользу приносят народному хозяйству страны молодые непальские специалисты, получившие образование в Советском Союзе.

Слушая премьер-министра, я невольно вспомнил одну встречу во время нашего пребывания в Катманду. Как-то вечером мы задержались в ресторане отеля дольше обычного: нас заинтересовало своеобразное исполнение классической европейской музыки непальским джазом. Ресторан был переполнен. Большинство публики были иностранные туристы. Неожиданно к нашему столику подошел модно одетый человек средних лет, широкоплечий, высокого роста, с большими руками, тяжелой челюстью и колючим взглядом. «Я корреспондент журнала «Шпигель» из ФРГ, — представился он на чистом русском языке. — Услышал русскую речь и понял, что вы из Советского Союза. Русский язык я изучил, находясь в лагере военнопленных в Сибири». Затем он спросил о наших впечатлениях о Непале. Выслушав нас, он сказал: «Мне несколько раз приходилось бывать в Непале, и знаете, что я заметил: эта страна постепенно теряет свое лицо, свой особый колорит, развивается промышленность, люди меняют профессии. Это заметно даже по внешнему виду Катманду — вместо рикш на улицах города появляется все больше машин, растут современные здания. Это очень печально. Исчезает на земле еще одно обетованное место, где можно отдохнуть от современной цивилизации. А вы знаете, наша европейская цивилизация — вещь довольно опасная, — продолжал он, — она может поглотить Непал, лишить его национального духа, подчинить его своим законам и стандартам».

Напрасно беспокоятся господа из стран Запада о будущем Непала. Их буржуазная цивилизация не сможет уничтожить своеобразие непальской культуры. То, что происходит сегодня в Непале, — естественный процесс подъема страны, в котором участвуют лучшие силы общества, опирающиеся

ся на свои национальные традиции, творчески использующие достижения экономики и культуры других стран. Все, что мы видели в Непале, еще раз убеждает в том, что пережитки средневековья, темнота и невежество, религиозный фанатизм и отсталая экономика — наследие колониализма — ничего не имеют общего с национальным своеобразием страны. И чем скорее избавится от всего этого непальский народ, чем скорее сбросит с себя никому не нужную ношу, которую он в течение многих веков нес на своих плечах, тем легче ему будет идти к новой жизни. Процесс обновления в Непале уже начался. В нем противостоят новое со старым, живое с мертвым, передовое с отсталым.

Мне часто приходится бывать в разных странах. В Непале я был впервые. Меня как-то спросили: «Что вам больше всего запомнилось в Непале? Что на вас произвело там самое большое впечатление?». Я ответил: «Встречи с людьми». В своем очерке я попытался пространнее ответить на этот вопрос. Много интересных встреч, ярких впечатлений было у меня в Непале, но часто бывает так, что какая-то одна, на первый взгляд незначительная встреча, внешне неприметное событие глубже всего врезаются в память, заслоняют многое важное и значительное. И вот сейчас, когда я думаю о Непале, я вспоминаю последнюю встречу на непальской земле.

Мы ехали на аэродром. Неожиданно наше внимание привлекла группа бродячих музыкантов, и мы попросили шофера остановиться. На обочине дороги стоял старик, двое мужчин среднего возраста и мальчик лет десяти. Все они наигрывали на самодельных музыкальных инструментах — саранги, похожих на скрипку. Около музыкантов собрались слушатели, на земле был расстелен кусок материи, на котором лежало несколько мелких монет. В этом квартете, по сути дела, пел один мальчик, взрослые ему подпевали и аккомпанировали. Он пел каким-то удивительным, не поддающимся описанию, высоким, звонким, как свирель, голосом, который то словно рвался ввысь, к снежным вершинам, то замирал, словно тонул в глубоких ущельях, то свободно разливался по широкой долине. Мы не понимали слов песни, но нам казалось, что в ней собралась вся печаль и тоска, все невыплаканные слезы обездоленных людей, и в то же

время в ней звучали ноты надежды, предчувствие радости и счастья. В песне мальчика будто воплотились душа и думы народа, его горе и радость, его мечты и чаяния, его жажда новой, светлой жизни. Эта песня звучала как голос Непала, голос страдания и борьбы, пробуждения и надежды.

Мы были в Непале в период наступления сезона дождей. В те-

чение долгих месяцев земля томится, изнывая под палящими лучами солнца, вся природа жаждет влаги и обновления. И вот наконец горизонт наполняется грозными облаками, первые капли дождя падают на землю, но нужно очень много влаги для того, чтобы напоить иссохшую землю. Сезон дождей в Непале уже начался, и никакие силы не в состоянии его остановить.

Непальский музыкант.

Фото ТАСС

*День, ночь, день, ночь
Мы идем по Африке...*

Мы идем по Африке. Старенький «Опель-рекорд» мистера Лоуренса оставлен на дороге — побитой, неровной, теряющей остатки асфальта.

*Только пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог...*

Почему я повторяю сейчас про себя эти строки Киплинга? Может быть, потому, что с самого первого мгновения, того мгновения, когда я увидел выгоревшие на солнце саванны голубые глаза мистера Лоуренса, когда ощутил пожатие его жесткой шершавой руки, образы «храбрых капитанов», созданные Киплингом, вдруг обрели для меня здесь, на севере Нигерии, подлинную реальность?

Или потому, что в облике мистера Лоуренса так много от солдата прежних английских колониальных войн?

На нем старые широкие шорты цвета хаки, оставляющие открытыми худые мускулистые ноги, обтянутые дряблой, прокаленной солнцем, сухой коричнево-серой кожей. Несвежие белые чулки до колен похожи на солдатские обмотки, так же похожи на бутсы воспетых Киплингом «томми» его тяжелые пыльные башмаки.

*Только пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог,
Отдыха нет на войне солдату...*

Сколько лет мистери Лоуренсу? Наверное, около шестидесяти. Но отдыха у него нет. И, наверное, никогда не было: вот и теперь — уже пятый день он не расстается с нами ни на час. Его выцветшие глаза внимательны и дружелюбны. Он возит нас по саванне вокруг древнего города Зария. Он тяжело ступает в красную латеритовую пыль и бредет сквозь колючий кустарник к остаткам древних крепостных стен. Он останавливает машину у нелепого сооружения из красной глины, превращенной солнцем в камень. Он не замечает нелепости этой первой в здешних местах христианской церкви: он живет здесь давно и ко всему привык.

Я смотрю на лицо мистера Лоуренса. Сухое, усталое лицо пожилого человека. Сколько десятилетий тропическое солнце жгло эту кожу, прежде чем она стала коричнево-красной? Сколько хинина — горького, отвратительного хинина понадобилось чтобы она

приобрела этот желтоватый оттенок? И, наверное, каждый год оставлял на лице безжалостную глубокую морщину как время оставляет кольца возраста в теле дерева.

Мистер Лоуренс смотрит на часы — старомодные, крупные, на широком ремешке. Под ремешком — матерчатая лента, чтобы рука не потела от ремня. Так носят часы люди, долго жившие в тропиках. Говорят, эта манера впервые родилась в Индии.

«ВРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА»

Е. КОРШУНОВ
(АПН)

— Я думаю, нам пора возвращаться. Сейчас время ленча. А в четыре у вас лекция «Что такое коммунизм».

Голос мистера Лоуренса бесстрастен. И только потом — несколько месяцев спустя — совершенно случайно мне удалось на какое-то мгновение заглянуть ему в душу и понять, что мог он чувствовать, напоминая, что нам предстоит читать лекцию о коммунизме в Административном колледже университета Ахмаду Белло в Зарии — бывшей твердыне британской колониальной администрации на севере Нигерии.

Мы, два советских дипломата и журналист, приехали сюда по приглашению администрации, чтобы провести «Неделю Советского

Союза». И я воздаю должное выдержке мистера Лоуренса, занимавшего в колледже должность заместителя директора по работе со студентами: он сделал все от него зависящее, чтобы наше пребывание в Зарии было как можно приятнее.

Все было очень по-джентльменски. И когда все до единого европейцы — профессора, преподаватели и администраторы — явились на первую нашу лекцию — это тоже было по-джентльменски.

Мистер Лоуренс целыми днями хлопотал, чтобы актовзй зал колледжа был увешан нашими фотографиями, чтобы на стендах были выставлены наши брошюры, чтобы все свободные от занятий студенты шли слушать наши лекции. И это тоже было джентльменство.

А ведь мы говорили о вещах, за одно упоминание о которых лет десять назад английская администрация бросала в тюрьму, может быть, отцов или старших братьев тех же самых студентов, которым сегодня чуть ли не вменяли в обязанность приходить на наши лекции.

Правда, никто не вменял это в обязанность рабочим городских железнодорожных мастерских, или старшеклассникам муниципальной школы, или служащим муниципалитета, или клеркам банков, контор и административных учреждений, каждый вечер приходившим в зал колледжа. Не думаю, чтобы администрация особо нажимала и на студентов — благо, это была пора экзаменов и зачетов.

А зал был полон — он был полон каждый вечер! И было много вопросов — иногда наивных, иногда смешных, но всегда искренних — и ни одного провокационного.

Мистер Лоуренс на этих лекциях почти не бывал. Слишком много несвершенных дел набиралось у него за день, потраченный на организацию наших экскурсий по окрестностям Зарии, и он спешил сделать их вечером. Он был работяга — наш добрый старый англичанин — и всю неделю, пока мы пребывали в Зарии, разрывался между долгом службы и долгом гостеприимного хозяина.

И вот наступил час, когда мы объявили ему, что завтра уезжаем. Мы пригласили его к нам в отель и подарили бутылку водки и коллекцию «матрешек».

Он сидел в низком кресле и чувствовал себя явно неловко. Здесь почему-то особенно бросались в глаза его поношенные шорты. Ноги казались особенно